РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
Московский педагогический государственный университет

65-летие РАПН
(Основана в 1955 г.)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции
с международным участием РАПН'2020
27-28 ноября 2020
Москва, МПГУ

Москва
2020

эффективности, а удовлетворение сугубо личного (партикуляристского) материального интереса конкретного участника избирательной кампании.

Между тем, политические машины сформировались далеко не во всех российских регинах. Объясняя эту вариацию, исследователи указывают на ряд факторов, которые влияют на эффективность политических машин. В частности, исследователи отмечают важность экономических, социальных, этнокультурных факторов. Не менее важными являются некоторые политические и институциональные аспекты функционирования политических машин. В тоже время, несмотря на наличие довольно многочисленных исследований, посвящённых политическим машинам в российских регионах, большинство из них сфокусированы на вопросах эффективности подобных политических организаций. Значительно меньше исследований, которые анализируют причины снижения эффективности работы политических машин, логику их ослабления, факторы их дисфункций и болезней. Между тем подобный исследовательский фокус может дать лучшее понимание возможных точек ослабления российского электорального авторитаризма и логики его трансформации.

В своём докладе на основе эмпирического анализа случая Республики Башкортостан я делаю попытку восполнить указанный пробел и ответить на следующий исследовательский вопрос: чем объясняется нестабильность работы прежде эффективных политических машин и каков конкретный каузальный механизм дисфункции в работе политической машины в условиях централизации?

Шпагин С.А. (Томск, НИ ТГУ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ЦИКЛ И 2017 – 2021 ГГ. И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Выборы в законодательные собрания субъектов Российской Федерации, состоявшиеся в 2017 – 2019 гг., свидетельствуют о постепенной трансформации региональных партийных систем.

В первой половине десятилетия гегемония «Единой России» в региональных представительных органах, а в большинстве случаев – и на выборах, была неоспорима. Лояльность избиркомов, прочное финансовое положение, постоянное присутствие в информационном пространстве, отсутствие реальных конкурентов, а главное, поддержка региональных администраций – все это обеспечивало отделениям «партии власти» лидерство по итогам голосования и более чем достаточное количество мандатов. Даже если кандидаты ЕР по спискам заполняли недостаточное количество мест, их компенсировали почти поголовным избранием их коллег в одномандатных округах.

Второе место чаще всего доставалось КПРФ, хотя в 21 регионе ей пришлось довольствоваться третьим, а в заксобраниях Тывы, Чечни, Кемеровской области, а также Крыма и Севастополя её депутатов не было совсем. Остальные места, если они вообще оставались, как правило, распределялись между ЛДПР, «Справедливой Россией» и формально независимыми депутатами. Несмотря на относительную многочисленность остальных партий, в течение электорального цикла 2012 – 2016 гг. их представители были избраны только в 28 региональных парламентов, причем лишь в Северной Осетии и Иркутской области их фракции были больше, чем 3 депутата.

Но отныне монопольное лидерство «Единой России» под вопросом. Согласно данным ЦИК, с 2017 г. показатели голосования за ЕР в ряде регионов «проседают» ниже 50% или даже 40%, а в Хакасии, Забайкальском и Хабаровском краях, Иркутской области – ниже 30%. Средний по всем регионам уровень голосования за «партию власти» в 2017 г. составил 62,3%, а в 2018 г. рухнул до 41,8%. На этом фоне 51,7% в 2019 г. могут выглядеть почти достижением, но не очень убедительным по сравнению с 66,5% в этих же регионах в 2014 г. Сократилось и количество депутатов от ЕР: если в 2017 г. она суммарно получила на 53 места меньше, в основном, за счет уменьшения общей численности депутатского корпуса законодательных собраний в Удмуртии и Краснодарском крае, то в 2018 г. её потери составили более 160 мест, а в 2019 г. – более 100. В Архангельской, Владимирской, Ивановской, Иркутской областях, Москве и Севастополе численность депутатов ЕР уменьшилась в полтора раза, а в Хакасии – вдвое. В заксобраниях Хакасии, Забайкалья и Москвы ЕР утратила абсолютное большинство мест,

а в Хабаровском крае и Иркутской области – даже относительное. Таким образом, отрыв «партии власти» от оппозиции постепенно сокращается.

Главные бенефициары потерь ЕР – партии парламентской оппозиции. На выборах 2018 г. КПРФ в среднем набрала почти вдвое больше голосов (23,1%), чем на предыдущих выборах в тех же регионах, и получила вдвое больше мандатов в региональных парламентах (160). Хотя средний результат партии в 2019 г. (15,5%) оказался скромнее, но он существенно выше предыдущих показателей и принес ей в общей сложности 32 дополнительных места.

Меняется расстановка сил внутри парламентской оппозиции. Средний уровень голосования за списки ЛДПР растет в течение всего электорального цикла, а в 2019 г. почти догнал показатели КПРФ (14,9%). В Краснодарском и Забайкальском краях, Брянской и Кемеровской областях доли их голосов сравнялась, а в Хабаровском крае, Архангельской области, Крыму, Тыве и Севастополе ЛДПР опережает коммунистов. В 2019 г. средняя доля полученных партией мест в региональных парламентах оказалась больше, чем у КПРФ, и составила 12,5%. Тем самым, ЛДПР все активнее претендует на более высокое место в соответствующих регионах.

Активизируются непарламентские партии: за 3 года их депутаты избраны в 22 заксобрания. Можно отметить достижения «Патриотов России» в Карачаево-Черкесии, Кемеровской области и особенно Северной Осетии, «Российской партии пенсионеров за социальную справедливость» в Волгоградской, Смоленской, Тульской областях и Севастополе, «Коммунистов России» в Хакасии, Ростовской, Тульской, Ульяновской и Ярославской областях, «Родины» в Ненецком АО и Республике Алтай, а также «Яблоко» в Москве. В некоторых регионах непарламентские партии не просто укоренились в заксобраниях, но и вытеснили часть парламентских. Кроме уже привычного примера Северной Осетии, заметим, что в заксобрании Ульяновской области нет «справороссов», а в Мосгордуме – ЛДПР.

Растет уровень фрагментации партийно-политического пространства в регионах. Эффективное число электоральных партий в 2017 г. составило в среднем 1,8, в 2018 г. – 2,8, а в 2019 г. – 2,1. Эффективное число парламентских партий, хоть и медленно, но тоже растет: в 2017 г. – в среднем 1,4, 2018 г. – 2, 2019 г. – 1,5. Все это свидетельствует о том, что уровень конкуренции внутри региональных партийных систем, хоть и медленно, но нарастает.

Шпиро Л.А. (Краснодар, КубГУ)

ЦИФРОВАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение использования сети Интернет массовой аудиторией, растущая цифровизация всех сфер жизни общества стали основой для формирования цифрового публичного пространства, необходимого для диалога представителей власти и общества.

Согласно М. Кастельсу, главной особенностью Интернет-пространства является его «открытость как с точки зрения технической архитектуры, так и социальной и институциональной организации» (Кастельс, 2004, с. 43). Коммуникативное пространство Интернета становится частью жизненного мира молодежи, в котором происходит демонстрация повседневности, отражаются интересы и ценности, а также появляется возможность построения коммуникаций и получения необходимой информации, взаимодействия с другими людьми и вовлечения в реальные практики публичного пространства.

В современных реалиях в рамках городских сообществ наравне с офлайн публичным пространством сформировано цифровое публичное пространство, в котором позиционируется локальная идентичность жителей. Причем его формирование происходит стихийно и представлено разным набором информационных ресурсов. На основе эмпирического исследования, проведенного в городах Краснодарского края, выделены типы информационных ресурсов цифрового публичного пространства: официальные ресурсы (официальные ресурсы органов государственной власти и учреждений,